

с. 1.

Литературные очерки

О декадентах

к МЧ-2

Читатели, вероятно, уже знакомы с новой комедией г. Чехова «Чайка», помещенной в «Русской мысли». Она шла на петербургской александринской сцене и, говорят, успеха не имела. Этому легко поверить, так как в ней нет тех сценических эффектов, которые создают успех пьесы и артистам в глазах театральной массы. Но г. Чехов — слишком серьезный писатель, чтобы потворствовать вкусу и стадным чувствам толпы. Несомненно одно, что «Чайка» г. Чехова есть весьма недурное произведение в литературном отношении. Правда, в ту же можно быть недовольным за отрывочность сдвинутых характеристик, за неясность выведенных фигур, но одна фигура, по моему мнению, ясна. Т. е. ясна на столько, на сколько можно выяснить туманную, неопредѣленную, расплывчатую фигуру декадента.

Фамилия чеховского декадента Треплев, если к этому присоединить некоторое частное сдѣлѣніе, что г. Чехов по образованию — врач, то будет понятно, на какую сторону въ своемъ героѣ хочетъ указать авторъ. Треплевъ есть комокъ истерзаннаго нервовъ, которые, однако, могутъ трепать своимъ безмысленнымъ крикомъ и нервную систему другихъ. Безспорно, что врачъ Чеховъ смотритъ на декадентовъ, какъ на выходящихъ изъ больницы на лечение, а писатель Чеховъ воспроизводитъ ихъ съ возможною точностью.

Я не стану разсказывать содержание «Чайки», но на одинъ эпизодъ надо обратить вниманіе. Декадентъ Треплевъ написалъ пьесу и поставилъ ее домашнимъ спектаклемъ. Обстановка такая: отъ крыльца видъ на озеро; луна надъ горизонтомъ, огражденіе ея въ водѣ; на большомъ камнѣ сидитъ актриса, исполняющая главную роль; она вся въ бѣломъ. И вотъ актриса начинаетъ декадентскую пьесу такою рѣчью:

Люди, львы, орлы и куропатки, богатые олени, гуси, жуки, молчаливые рыбы, обитающія въ водѣ, морскія вѣдьмы и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазами, — словомъ вся жизнь, вся жизнь, вся жизнь, свершая печальный кругъ, угасаетъ... Уже тысячи вѣковъ, какъ земля не несетъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна напрасно взжигаетъ свой факелъ. На лугу уже не просыпаются съ крикомъ животныя и изысканнѣе жуковъ не слышатъ слышно въ липовыхъ рошакѣхъ. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно. [Пауза]. Тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахъ и вѣчная матерія обратилась въ камень, въ воду, въ облака, а душа ихъ слѣзаетъ въ одну... Общая мировая душа — это я, я...

Во мнѣ душа и Александра Великая, и Цезаря, и Шекспира, и Н. Гоголя, и послѣдней пивае, во мнѣ совмѣстились люди слезы съ истактами животныя, и я ко всему, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой переживаю вновь.

Одна изъ присутствующихъ на представленіи пьесы Треплева дама справедливо замѣчаетъ: «это что-то декадентское». Актриса продолжаетъ и заканчиваетъ свой глубокомысленный монологъ такими словами:

.. Матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной и наступитъ царство мировой воли. Но это будетъ лишь, когда мало по малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый сарисъ, и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ — ужасъ, ужасъ, ужасъ...

Любопытно бы посмотрѣть эту пьесу на сценѣ и еще любопытнѣе видѣть отношеніе къ ней зрительнаго зала. Не надо быть пророчествомъ, чтобы предсказать полное непониманіе публикой автора и авторомъ публики. Видѣ г. Треплева, когда говоритъ «пусто, пусто, пусто» или «ужасъ, ужасъ, ужасъ», конечно, желаетъ вселить въ насъ соответствующія чувства или даже почти ощущенія, — ощущенія пустоты или ужаса. И вдругъ мы ничего подобнаго не ощущаемъ, а потому искренно удивляемся настойчивому повторенію ужасныхъ словъ. Во многократномъ повтореніи спасенія, какъ сказано въ писаніи; и тотъ, кто повторяетъ «пусто, пусто, пусто», обращаетъ наше вниманіе больше на себя, чѣмъ на предметъ, долженствующій занять это вниманіе. Чѣмъ чаще повтореніе, тѣмъ склѣве отвлечается вниманіе отъ предмета, который, по мнѣнію говорящаго, чрезвычайно интересенъ. И не понимаю, какъ можно не понимать такого простого условія человѣческой внимательности, и надо удивляться декадентамъ и символистамъ, столь настойчиво претендующимъ на провинциальность, что они не замѣчаютъ такого промаха, присущаго имъ всѣмъ и неизмѣнно сущаго во всѣхъ ихъ твореніяхъ. «Ужасъ, ужасъ, ужасъ»... Такимъ способомъ изъясняться, кажется, насъ хотѣтъ просто усыпить и внушить извѣстную идею, извѣстное представленіе и ощущеніе. Всѣ знаютъ, что гипнотизмъ есть сила и гипнотизація очень несложна: надо только тѣмъ или другимъ средствомъ фиксировать вниманіе испытуемаго субъекта. А способы фиксаціи сколько угодно. Можно сосредоточивать наше зрѣніе на блестящей точкѣ — и послѣдуетъ сонъ; можно равномернымъ, плавнымъ и продолжительнымъ поглаживаніемъ по лбу достигнуть того же результата. Но

что значить «сосредоточивать» и «поглаживать»? Значить, прежде всего, повторять извѣстный приемъ воздѣйствія. Въ такомъ случаѣ, повторивъ равномерно или съ полутонами одно и то же слово, можно достигнуть тоже гипноза. И мнѣ кажется, что когда поэтъ-декадентъ, съ примѣрной вѣрой въ таинственный смыслъ любой бессмыслицы, повторяетъ: «Вѣные лебеди плыли по небу; плыли по небу бѣлые лебеди» — то онъ просто гипнотизируетъ.

Мы нисколько не шутиимъ. Не желая играть роли Гросмана въ пьесѣ Л. Н. Толстого, декаденты, въ конечномъ результатѣ, достигаютъ совершенно того же, что и всѣ гипнотизеры. А въ гипнозѣ можно внушать какія угодно нелѣпыя идеи и все будетъ казаться дѣйствительностью. Но обоснованная и принятая наука признаетъ, что сонъ, который кажется въ видѣ полной дѣйствительности во всей ея реальности, есть бредъ, и по большей части бредъ больного человѣка, съ разстрѣнными нервами. Такихъ субъектовъ надо лечить, и больше ничего. А еще больше слѣдуетъ лечить тѣхъ, кто напускаетъ на доверчивыхъ людей такую болѣзнь. Какая ужъ тутъ поэзія, когда это просто наркотизмъ слова! Говоритъ, что потребителямъ гашиша рисуются нелѣпые міры, люди въ образѣ неземныхъ созданий, и луна съ той стороны, которая вѣчно закрыта для обитателей земли. Говоритъ, что самое можетъ представиться разгорачченному воображенію тифозныхъ и горячечныхъ вообще. Но вѣдь это ненормальное явленіе относится къ вѣдомству медицины, т. е. наукѣ, призванной предупреждать и устранять отклоненія отъ нормы, отъ здоровья.

«Сespiraison n'est pas raison», но въ данномъ случаѣ сравненіе должно быть принято за тождество, — на этомъ мы настаиваемъ. Декаденты суть дѣйствительно больные люди, но это такіе больные, хватать и сажать которыхъ въ лечебницу нервныхъ болѣзней законъ еще не дозволяетъ.

Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ декадентахъ, которые по пути декадентства шагнули слишкомъ далеко. Въ декадентскомъ направленіи литературы и поэзіи также можно отыскать нѣчто симпатичное и желательное, но это та разновидность декадента, которую называютъ символизмомъ. Такихъ немного. Они вѣроятно талантливы и подкупаютъ, конечно, особому суду. Объ нихъ рѣчь — въ другой разъ. Н. С.—ъ.